

МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ ХЕРАСКОВ

Эпитафия М. М. Хераскову [1]

Нужна ли слава здесь,
иль мраморов громада?
Довольно слова: Россиада! —

М. М. Херасков [2] (25.10.1733, Переяславль — 27.9.1807, Москва) — выдающийся поэт, крупный прозаик и один из наиболее ярких кураторов Императорского Московского университета. С. П. Шевырев оценивает его деятельность так: «Имя Хераскова... принадлежит к числу имен, незабвенных для Московского университета. Миновала в наше время его литературная слава; но память его будет жить в летописях Университетского образования... С именем Хераскова соединяется также память незабвенного основателя Университетского Благородного Пансиона, колыбели Жуковского и других славных мужей нашего Отечества» [3]. Такой замечательный специалист по XVIII столетию, как М. Н. Лонгинов, пишет: «Имя Хераскова должно быть дорого всякому, кто знает цену тому движению, которое оживило русское просвещение и нашу литературу во второй половине прошедшего века. Он был еще молод, когда уже вкус его и познания, столько же, как и высокое благородство его характера, привлекали к нему и собирали около него юных писателей и студентов, любящих литературные занятия. Он поощрял и печатал их труды, помогал им находить средства к образованию, доставлял им места и знакомства в обществе. В истории литературы он занимает почетное место как образованный, честный деятель и как приятный стихотворец, в котором видны иногда проблески истинной поэзии... Жизнь Хераскова — одна из лучших страниц в истории нашего общества и его просвещения» [4]. Среди поэтов, которым покровительствовал М. М., — такие крупные фигуры, как И. Ф. Богданович, Е. И. Костров, М. Н. Муравьев, В. А. Жуковский (практически все они писали теплые стихи, посвященные М. М.); кроме того, благодарные воспоминания сохранили о нем кн. И. М. Долгорукий [5]; и гр. Д. И. Хвостов; дружеские чувства связывали его с Г. Р. Державиным, несмотря на неприязнь последнего к масонству; но не только поэты входили в его дружеский круг; так, А. Т. Болотов вспоминает: «Он принял меня не только без наималейшей гордости и спеси, но так снисходительно, с такою ласкою и с таким благоприятием, что я даже удивился и был тем очень доволен... Он сказывал мне, что я ему уже очень давно знаком по моим сочинениям и что он желал узнать меня лично и познакомиться, и теперь очень тем доволен. Потом хвалил все мои сочинения, так что мне было даже стыдно. Предлагал мне свое дружество и просил даже вступить с ним в ученую переписку» — от чего Болотов уклонился в силу похвальной осторожности [6]. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях», резюмируя суждения современников, дает высочайшую оценку его достижениям: «Человек острый, ученый и просвещенный и искусный как в иностранных, так и в российском языке и стихотворстве... Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и тверд, изображения сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого

огня, сатирические сочинения остроты и приятных замыслов, а „Нума Помпилий“ философических рассуждений; и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу» [7].

Автор первого систематического очерка истории русской литературы Н. И. Греч ставит его творчество не слишком высоко: «Херасков принадлежит к числу самых плодovitых, Писателей; но неумолимое потомство, отдавая справедливость его трудолюбию, познаниям, вкусу, не решается дать ему определенно имя Поэта» [8]. Итак, из двух ипостасей М. М. одна получила заслуженную оценку — ни личное благородство характера, ни высокую плодотворность деятельности на высоких постах в университете никто не оспаривает; что же касается поэтического таланта, то за кратким периодом прижизненной славы М. М. ждало еще при жизни разочарование публики и дальнейшее забвение — настолько глубокое, что в прошедшем столетии его главное произведение, «Россиада», целиком не переиздавалось ни разу. Нам предстоит привести аргументы, которые заставили бы пересмотреть несправедливый приговор его поэзии, изреченный потомством, которое разучилось читать героический эпос как таковой и потому не сумело понять нашего поэта.

М. М. — уроженец юга России, чей пейзаж он с такой теплотой и точностью опишет потом в «Россиаде»:

Приходят ратники к стенам на общий сбор,
От меловых вершин, с лишенных цвета гор,
Которы жатвою вокруг благословенны;
Но кажутся вдали снегами покровенны.

Сын выходца из Валахии потомка знатных бояр Матвея Андреевича Хераскова и знаменитой красавицы своего времени княжны Анны Даниловны Друцкой, он очень рано потерял отца; в 1735 г. его мать вступила во второй брак с князем Никитой Юрьевичем Трубецким, в скором времени получившего должность генерал-кригс-комиссара армии. Таким образом через своих единокровных братьев и сестер будущий куратор оказывается в родстве с представителями влиятельных и знатных фамилий: Салтыковыми, Черкасскими, Румянцевыми, Нарышкиными, Вяземскими, Урусовыми. В 1740 г. отчим был переведен в Петербург и назначен генерал-прокурором, и в 1743 г. М. М. был отдан в Сухопутный шляхетский корпус (впоследствии 1-й кадетский), имевший тогда характер скорее общеобразовательного учебного заведения для дворян, нежели военного училища; пристрастные к изящной словесности и театру кадеты имели блистательного руководителя в лице «русского Расина», А. П. Сумарокова. При слабых успехах в науках в юноше уже зарождается любовь к литературе; к этому периоду относятся первые его опыты в стихах. 5.9.1751 г. М. М. был выпущен поручиком в Ингерманландский пехотный полк; военная служба мало привлекала его, и в 1754 г. в чине титулярного советника он переводится в Коммерц-коллегию; но уже в следующем году, при основании Московского университета, он круто меняет свою жизнь и отныне связывает ее — с кратким перерывом — с новооснованным святилищем Муз.

М. М. назначается ассессором университетской Конференции, понедельно дежурит в нем, чередуясь с двумя коллегами; ему же было поручено заведование типографией. М. М. начинает выпуск периодических изданий: «Полезного увеселения» (1760-1762), где публиковались его собственные произведения, оды Горация в переводе Н. Н. Поповского и сочинения молодых литераторов (в том числе братьев Фонвизиных, Д. С. Аничкова, В. Г. Рубана и др.). Херасков же руководил Русским театром при университете; любительские спектакли под его началом стали неотъемлемой частью артистической жизни города с 1756 года. С 1759 г. студенческая труппа объединяется с труппой Д. Б. Локателли, и таким образом закладывается основание первого московского публичного театра. В 1760 г. М. М. женится на Елизавете Васильевне

Нероновой — женщине, также обладавшей литературным талантом, добродушной и общительной; С 1761 г., по отъезде директора И. И. Мелиссино в Ригу, Херасков — уже надворный советник — начинает исполнять его обязанности; с 1763 г., когда тот назначается обер-прокурором Св. Синода, М. М. становится директором университета в чине канцелярии советника [9]. В этом году он издает журнал «Свободные часы»; под его руководством выходят «Невинное упражнение» И. Ф. Богдановича и — на следующий год — «Доброе намерение» В. Д. Санковского. С исполнением М. М. должности директора связан памятный эпизод в истории университета — Высочайшее повеление читать лекции на русском языке. Это было осуществлено вопреки сопротивлению куратора В. Е. Адодурова: Херасков добивается через его голову именного повеления императрицы, и в 1767 г. профессора из природных россиян получают право читать лекции на родном языке.

В 1770 г. М. М. расстаётся на время с университетом: он получает чин статского советника и назначается президентом Берг-коллегии и переезжает в Петербург. Именно к этому времени относится расцвет его литературной деятельности: в 1779 г. выходит написанная за эти годы «Россиада». М. М. стоит во главе литературного салона, имевшего даже свой орган — «Вечера» — и заводит знакомство с Н. И. Новиковым, столь обильное последствиями как для его личной судьбы, так и для истории российского просвещения. В 1772 г. Херасков заочно выбирается членом Вольного Российского собрания при Московском университете. В 1775 г. он выходит в отставку, получает чин действительного статского советника и переселяется в Москву, к своему брату Николаю Никитичу Трубецкому, с которым его связывала тесная дружба; под влиянием последнего поэт становится масоном (как и Н. И. Новиков, последовавший в Москву за Херасковым).

В 1778 году Мелиссино, сохраняя кураторское звание, отправляется за границу; М. М. получает должность куратора университета и вступает в управление им [10]. Так начинается одна из славнейших страниц университетской истории. С начала 1779 г. по его инициативе открывается Вольный Благородный пансион при университете [11] — колыбель многих славных писателей, дипломатов, военных, высших администраторов; 1.5.1779 г. М. М. заключает с поручиком Н. И. Новиковым контракт на десятилетнюю аренду университетской типографии, открывая один из наиболее плодотворных этапов в истории российского книгопечатания; кроме того, он учредил Педагогическую семинарию при университетской гимназии, для заведования которой был приглашен профессор И. Г. Шварц, один из лидеров московских масонов [12]. 13.3.1781 г. открыто «Собрание университетских питомцев», имевшее целью чтение друг другу и обсуждение произведений, принадлежащих перу молодых преподавателей и студентов университета. 6.11.1782 г. было открыто Ученое Дружеское общество, пользовавшееся покровительством московского главнокомандующего гр. З. Г. Чернышева и архиепископа Платона (Левшина); общество ставило воспитание, содействие которому полагало прежде всего в печатании и распространении учебной литературы. С самого начала существования Российской академии (21.10.1783) Херасков был ее членом.

Однако самостоятельное управление университетом М. М. Хераскова длилось недолго. 21.2.1782 г. возвращается в Москву и приступает к исполнению своих обязанностей И. И. Мелиссино, чьи вкусы и жизненные принципы расходились с херасковскими. Первый удар был нанесен по И. Г. Шварцу, который отказал Мелиссино в просьбе соединить «Вольное Российское собрание» и «Дружеское ученое общество». В течение 1782 г. он испытывает притеснения со стороны куратора, уходит в отставку и 17.2.1784 г. умирает. Существенно ослабила позиции Хераскова и его сторонников и смерть З. Г. Чернышева (29.8.1784), после чего на его место был назначен генерал-аншеф Я. А. Брюс, нимало не сходный со своим предшественником и не одобрявший его образа действий. К тому же времени относятся и первые неприятности Н. И. Новикова, связанные с перепечаткой изданий Комиссии об учреждении народных училищ и «Истории ордена иезуитов» [13]. Следующий, 1785 год приносит охлаждение императрицы к масонам и катастрофу иллюминатов на Западе; в конце года

начинается история официальных гонений на Новикова и его предприятие, приведших в 1788 году к запрету императрицы возобновлять контракт об аренде типографии и к катастрофе 1792 года.

М. М. Херасков пострадал от нее сравнительно меньше других. Он даже не лишился своего высокого поста, несмотря на недоверие и немилость императрицы, желавшей отставить его от должности; его спас своим заступничеством фаворит П. А. Зубов, которого упросил Державин. Опальный поэт так благодарил своего коллегу и покровителя: «М. г. мой, Г. Р. Благодарю вас! — стократно благодарю за ваше обо мне попечение — за искренние доказательства вашего дружества, — словом за все то, что вы в мою пользу соделали — вы доставили мне Мецената, как некогда Гораций Виргилию снискал благосклонность любимца Августа в Риме, или который из них, не помню. — Я хотя не Виргилий; но издали иду его путем, как вы проворные меня идете путем Горация. Чудно мне, что некто враг мой вздумал оклеветать меня какою-то Мартинизмою, о чем я, по совести, ни малого сведения не имею. — Когда мне думать о Мартинистах и подобных тому вздорах? Когда? будучи вседневно заняту моею должностью — моими Музами — чтением стихотворцев, моих руководителей. — Введена на меня убийственная ложь, лишаящая меня чести — и Государской милости, следовательно и жизни. — Сколь же много благодарить и прославлять мне должно моего защитника, сохранившего меня от грозящих мне громовых ударов, и того, кто за меня предстательствовал — это есть вы! — Внушите как нибудь сии чувства, или покажите сие письмо Платону Александровичу — сему почтенному невинности защитнику, которого я по вас имею покровителем — весь я вам предан и есмь ваш усердный и всепокорный слуга Михайла Херасков» [14]. Это был мрачный период в жизни опального поэта: обойденный повышениями по службе и наградами, не имея надежд вернуть себе милость Екатерины II, он тяжело переживал за невинно пострадавших друзей.

Воцарение Павла принесло свободу Новикову и милость пострадавшим от гонений его друзьям. Директором университета был назначен известный масон И. П. Тургенев (1752-1807), один из просвещеннейших людей своего времени, отец знаменитых трех братьев — чрезвычайно талантливого, рано умершего поэта Андрея (1781-1803), Александра (1785-1846, высокопоставленного чиновника Министерства духовных дел и народного просвещения при кн. А. Н. Голицыне, и Николая (1789-1871, автора «Опыта теории налогов» (1818) и книги «Россия и русские» (1847, на франц. языке). Таким образом влияние М. М. в управлении университетом значительно усилилось.

Уже 19.11.1796 г. М. М. был произведен в тайные советники и благодаря покровительству светлейшего князя П. В. Лопухина, фаворита Павла I, пожалован (10.3.1799) орденом Св. Анны I степени. М. М. и И. П. Тургенев предлагали П. В. Лопухину принять на себя официальное звание, связанное с университетом: так, первый 17.3.1799 г. писал: «Осмеливаемся все вообще начальники университета просить вашу светлость о продолжении вашего к нам и нашим подчиненным покровительства. Мы несомненно уверены, что вы благоволите быть предстателем у монаршего трона за наш корпус, ибо по многим обстоятельствам потребен нам надежный предстатель при лице его императорского величества, который бы по делам нашим непосредственный имел доступ ко всемилостивейшему государю и любя пользу, от наук проистекающую, ходатайствовал за них и пекся об их благосостоянии, что уже вы и доказали по особливому вашему к ним благорасположению. И так, весь университет Московский ободрен будет и крайне обрадован, ежели удостоите воспринять на себя звание его ходатая, к которому бы университетские кураторы в нужных случаях могли иметь прибежище и, получая от вашей светлости надлежащие наставления, единственно в вашей протекции со всем своим училищем состояли. На все сие с покорностию ожидаем вашего благосклонного отзыва». И. П. Тургенев писал П. В. Лопухину 11.3.1799 г.: «Смею уверить вашу светлость, что ежели бы вам угодно было взять на себя главное правление университета или, по крайней мере, позволить адресоваться к вам в нуждах университетских, то бы вдвое умножились мои старания, мое

усердие о пользе как учащих, так и обучающагося и воспитываемаго здесь многочисленного юношества, которое требует сильного покровителя, равно и учащие ободрителя, который бы был в состоянии возродить и питать в них ревность и трудолюбие, награждая добрых и лишая ленивых своей нежной и лестной для них протекции». Впрочем, П. В. Лопухин, соглашаясь «споспешествовать пользам университета из единого усердия к чести сего заведения», отказался связывать себя официальной должностью [15]. В начале 1801 года М. М. во второй раз выходит в отставку в чине действительного тайного советника. Император Александр опять назначил Хераскова куратором, и окончательно он вышел в отставку в конце 1802 г. Последние годы своей жизни он провел в Москве, занимаясь литературным творчеством (его последние стихи, в т. ч. предсмертный шедевр — «Солнце» — публиковались в «Вестнике Европы»). П. А. Вяземский оставил такое свидетельство о закате жизни нашего поэта: «Знаменитый творец „Россиады“, патриарх московской словесности, доживал тогда, посреди друзей и почитателей, славу долголетнюю и безмятежную. Успехи цветущие и успехи расцветающие искали в его благосклонном добродушии и одобрения и поощрения» [16]. М. М. умер в 1807 году и похоронен на кладбище Донского монастыря.

Державин именует его в стихотворении «Ключ» «творцом бессмертной Россиады». Такой замечательный поэт, как М. Н. Муравьев, пишет о впечатлении от встречи с М. М.: «Он имеет еще столько снисхождения, чтоб удостоивать меня поучительным разговором. Все открыло мне в нем мудреца, упражненного величеством и прелестями стихотворства, доходившего до тайных чертогов природы, чтоб почерпать в ней прекрасное. Ах! он заслуживает все мое удивление. Неспособен следовать за ним, единое воззрение от времени до времени на высокое его шествование наполнило бы меня радостью» [17]. Высока (хотя более сдержанна) оценка и французских знатоков русской поэзии — Н. Леклерк пишет в своей «Истории...»: «М. Херасков, владеющий иностранными языками, испробовав свои силы и со славой дебютировав во многих жанрах поэзии, вовсе не схож с теми, которые, наскоком овладев всеми науками, не могут составить себе имя ни в одной. Сегодня он занимает первое место среди русских поэтов, и его нынешний жанр — эпопея... Взятие Казани содержит частные красоты, но вызывает сожаление, что гармония не везде выдержана ровно. Автор способен пособить этому недостатку, придать более блеска и более возвышенный характер своей поэме, исправив ее. Варианты Генриады должны навести его на этот путь» [18]. П.-Ш. Левек переводит фрагмент из II песни, прощание царя с царицей. Очерк русской литературы дает автору возможность заключить: «Если приведенные мною отрывки и недостаточны для того, чтобы дать полное представление о нынешнем состоянии словесности в России, по крайней мере они дадут понять, что русские уже далеки от того варварства, в котором их с таким удовольствием упрекают» [19]. Лоялен по отношению к заслуженному стихотворцу Н. М. Карамзин: «Говоря о наших оригинальных произведениях, прежде всего наименовал я две эпические поэмы, Россиаду и Владимира, которые должны имя творца своего сделать незабвенным в истории русской поэзии» [20]. И. И. Дмитриев в 1803 году пишет «К портрету М. М. Хераскова»:

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют:
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

Питомцы Московского Благородного пансиона публикуют переводы Хераскова на французский язык [21] и откликаются трогательными стихотворениями на его кончину [22]. Характерна и посмертная почеть, оказанная нашему поэту: в 1807 г. он представил на конкурс в Российскую Академию трагедию «Зереида и Ростислав». Имя автора было объявлено после провозглашения награды, и им оказался недавно умерший Херасков.

Вначале, казалось бы, ничто не предвещало закат славы «русского Гомера» [23]. Тем не менее уже довольно скоро после смерти — в 1815 году — критический поход против него открывает М. П. Строев. По его мнению, «предмет Россияды не достоин эпической поэмы»; «у Хераскова нет никакой постепенности»; «большая часть лиц... не имеет характеров»; характеры магометан «оттенены гораздо лучше русских» и могут «научать нас примерам высоких добродетелей», в чем нет «ни сохранения правил Эпической поэзии, ни моральной цели»; «аллегорические лица не столько украшают поэму, сколько ее портят»; «описания его всегда однообразны, сухи и даже иногда смешны» [24]. Его позиция вызвала резкое возмущение у старшего поколения; так, А. С. Шишков писал Якову Иевлевичу Бардовскому (СПб. Июня 18 дня 1815 г.): «На этих днях попался мне журнал, в котором какой-то студент судит и бранит без милости Хераскова. Вот нравы, которым научают юношей! Вместо чтоб скромными сочинениями стараться наперед снискать себе имя, он с такою же дерзостью, с каким и невежеством, ругает мертвого старика, со всех сторон почтенного! хочет показать свой ум и свои знания, но вместо сего показывает свою глупость, невежество и худой нрав» [25]. Однако она пришлась по вкусу молодежи [26]. Параллельно в «Амфионе» в виде цикла статей появляется подробный разбор А. Ф. Мерзлякова [27]. По свидетельству М. А. Дмитриева, его труд был воспринят «литераторами с уважением, и как противодействие выходкам Строева, но другие и в этих замечаниях ученого видели только критику на Хераскова» [28]. Для нас нет никакой необходимости цитировать обильные выпады против нашего поэта, принадлежащие перу К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского; ограничимся одной лапидарной фразой последнего, которая суммирует упреки романтиков к представителю старшего поколения: «Что есть народного в „Россиаде“ и „Петриаде“, кроме имен?» [29]. Трудно проследить эволюцию взглядов о творчестве Хераскова у А. С. Пушкина [30]; по-видимому, от юношеского романтического неприятия оно эволюционировало в сторону признания заслуг поэта и внимания к его творчеству (о чем свидетельствуют два эпиграфа в «Капитанской дочке»)[31]. В конечном итоге возможность дать содержательный ответ на этот риторический вопрос и будет определять посмертную судьбу литературного наследия Хераскова.

Перу нашего поэта принадлежат несколько эпических поэм: «Плоды наук» (дидактический эпос, посвященный В. кн. Павлу Петровичу, 1761), «Чесмесский бой» (поэма на сюжет из современной истории, о дружбе братьев Алексея и Федора Орловых, 1771), «Селим и Селима» (поэма о пастушеской любви, 1770) «Россиада» (1 — 1779, 2 — 1786, 3 — 1801), «Владимир возрожденный» (1 — 1775, сильно переработанное 4 — 1801 [32]) и «Вселенная» (в традиции Клопштока и Мильтона, в полных «Творениях» 1796-1800 гг., ч. 3; последние два — под сильным масонским влиянием); «Царь, или спасенный Новгород» (1800) и «Бахариана» (1803); многочисленные драматические произведения в различных жанрах [33], повести в стихах, оды (торжественные и философские), анакреонтика, басни, духовные стихотворения, романы «Нума, или процветающий Рим» (1768), «Кадм и Гармония, древнее повествование» (1786) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794). Остановимся на его главном шедевре — эпической поэме «Россиада» [34].

Один из историков русской литературы XIX столетия, И. Порфирьев, пишет о ней: «За немногими счастливыми исключениями, почти все сцены в ней составляют подражание разным сценам Илиады, Энеиды, Освобожденного Иерусалима и Генриады. Русский мир освещен чужим светом; русские лица и события изображаются или в древне-классической или в средневековой, рыцарской обстановке... Русский царь и русские воеводы и бояре изображаются то в виде троянских героев, то в виде средневековых рыцарей. В характере Иоанна Грозного совмещены черты Агамемнона, Готфрида; Курбский напоминает собою рыцаря Ринальда Тасса и даже говорит о хранении рыцарского чина; Троекуров ходит на Танкреда; татарский витязь Гидромир также наблюдает рыцарский устав... Такие несообразности, так сильно поражающие в настоящее время, несколько однако же не поражали современников Хераскова, которые потому именно и признавали Россиаду настоящей эпопеей, что находили в ней то же самое, что

видели во всех образцовых эпических поэмах. Всеми было признано, что поэма должна иметь народный характер (? — А. Л.); но еще не было уяснено, в чем должна состоять народность и как должны быть изображаемы заимствованные из народной истории лица и события» [35]. Не менее строга современная западная филология: «Камознс († 1580 г.) создает грандиозный национальный эпос Лузиады с оправданной гордостью величием португальской мировой империи, затмевающим своим блеском путешествия Одиссея и Энея; напротив, неудачными оказались позднейшие попытки, как Генриада Вольтера и Россиада Хераскова» [36]. Как мы увидим, порфирьевский очерк источников — далеко не полный и не вполне точный, хотя и самый подробный из всех, нам известных [37]; тем не менее упреки в духе романтической и постромантической критики сами по себе свидетельствуют о чрезвычайно тревожном факте — попытки судить произведение, написанное по определенному своду жанровых законов, на основании совершенно другого, несовместимого, который выдается за незыблемую и окончательную мудрость; но, если пользоваться таким критерием, то придется пожертвовать не только Херасковым и, скажем, Вольтером, — не устоит и сам Вергилий (далеко не случайно, что наиболее яростные атаки на него хронологически и сущностно связаны и с атаками на Хераскова). Прежде всего опишем исторические источники Хераскова. Ему была хорошо известна «История Российская» В. Н. Татищева (М., 1768); откуда — в противовес «Краткому российскому летописцу» Ломоносова (1760) — взято обозначение Ивана Грозного как Иоанна II. Основными источниками были «Казанская история» («Казанский летописец»), «Летописец царя и великого князя Ивана Васильевича», «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, обусловившая сочувственную характеристику этого героя — к моменту выхода первого издания поэмы ни одно из этих произведений не было опубликовано [38]. Высокий интерес Хераскова к памятникам древнерусской литературы засвидетельствован и его знакомством со «Словом о полку Игореве», во 2-м издании «Владимира» и за три года до первой публикации: «Недавно отыскана рукопись под названием „Песнь полку Игореву“, неизвестным писателем сочиненная. Кажется за многие до нас веки в ней упоминается Боян, российский песнопевец» [39].

Затем рассмотрим, какие элементы эпоса восходят к античным и новоевропейским образцам [40]. Два момента надлежит вынести за скобки: мысль снабдить свое произведение «Историческим предисловием» и «Взглядом на эпические поэмы» восходит к Вольтеру, сопроводившему свою «Генриаду» как историей гражданских войн во Франции, так и теоретико-литературным приложением. Выбор материала для произведения, возможно, обусловлен соображениями Тассо, чей эпос «Освобождение Иерусалима» как произведение христианское чрезвычайно важен для «Освобождения Казани». Итальянский поэт полагал, что для героического эпоса не подходят ни слишком отдаленные, ни слишком близкие времена, поскольку первые не дают читателю ничего знакомого, а последние не позволяют развернуться творческому дару [41].

Гомер, которого Херасков, по свидетельству Муравьева, «боготворил», в основном оказывает опосредованное влияние, через латинскую и новоевропейскую традицию; это и неизбежно, поскольку таково свойство проблематики позднейших эпических произведений, делающее Вергилия более близким Хераскову, чем древнегреческий эпос (в качестве примера, проясняющего ситуацию, можно привести нисхождение в подземный мир: XI песнь «Одиссеи», отражающая древнейшие языческие представления, не имеет ничего общего с христианской концепцией ада и рая; напротив, у Вергилия, наряду с мощным пластом древнейшей итальянской мифологии, присутствует идея загробных воздаяний за зло и добро, что делает его гораздо более близким представлениям XVIII столетия). Вергилий же служит образцом для общей структуры (классическое число XII песней встречается из образцов Хераскова только у него) [42]; его школа чувствуется во многих деталях, в том числе и наиболее важных: так, напр., явление Иоанну Грозному тени князя Александра Тверского — контаминация двух эпизодов «Энеиды»: явления Энею тени Гектора (II песнь) и Меркурия с приказом Юпитера оставить Карфаген

(IV). Этот фрагмент — один из самых мощных отрывков произведения и, по-видимому, русской поэзии вообще (I, 239 слл.):

Является Царю сия святая тень
Во образе таком, в каком была в той день,
В который в мире сем оставив зрак телесный,
Взлетела восстенав во светлый дом небесный;
Потупленна глава лежаща на плечах,
Печальное лице, померклый свет в очах,
Мечем пронзенна грудь, с одежды кровь текуща,
Трепещущая тень с молчанием грядуща,
И спящего Царя во ужас привела,
Приблизжилась к нему и так ему рекла:
Ты спишь, беспечный Царь, покоем услажденный,
Весельем упоен, к победам в свет рожденный;
Венец, отечество, законы позабыл,
Возненавидел труд, забавы возлюбил;
На лоне праздности лежит твоя корона,
Не видно верных слуг; ликует лесь у трона...
И тень рекла ему: Отшед в мученье многом,
Роптая на тебя, сии стоят пред Богом;
Последний убиен злодейскою рукой
Твой предок Александр, я бывший Князь Тверской,
Пришел с верхов небес от сна тебя восставить,
Твой разум просветить, отечество избавить;
Зри язвы ты мои, в очах тоску и мрак,
Се точный при тебе страны Российской зрак!
Зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
И селы вобрази и грады разрушенны;
Днесь тот же самый меч, которым я ражен,
И тою же рукой России в грудь вонзен;
Лиется кровь ея!... Омытый кровью сею,
Забыл, что Бога ты имеешь судиею;
Вопль каждого раба, страдание и стон,
Взлетев на небеса, текут пред Божий трон;
Ты подданным за зло ответствовать не чаешь,
Но Господу за их печали отвечаешь.
Вздremaвшую в тебе премудрость воскреси,
Отечество, народ, себя от зла спаси;
Будь пастырь, будь герой, тебя твой Бог возлюбит;
Потомство позднее хвалы тебе возтрубит.
Не мешкай! возгреми! рази! так Бог велел....

Есть подробности, которыми наш автор обязан Овидию; из самых ярких — описание бури на Волге (VII песнь «Россиады», XI «Метаморфоз» — история о Цеиксе и Гальционе; к тому же источнику восходит замечательная сцена прощания царицы с Иоанном; аллегореза Зависти в «Метаморфозах» — оригинал аллегии Безбожия у Хераскова). Седьмая песнь ярко окрашена в лukanовские тона: описание перехода через Ливийскую пустыню, отказа вождя от воды, мятежа войск и подавления его отважной речью Катона, который предлагает робким отказаться от продолжения борьбы, воспроизводится в аналогичной последовательности (IX

песнь Лукана, VII — Хераскова). Возможно, Лукану же наш поэт обязан мрачными красками в описании предающейся ужасу Москвы (конец I песни — и у Лукана, и у Хераскова). К Тассо [43] — тематически наиболее близкому — восходит общее противопоставление «эпического» и «романного» (об этом прекрасно писал А. Н. Соколов), с той разницей, что у русского поэта все герои — его соплеменники свободны от влияния любви, в то время как у Тассо ей непокорен один Гоффридо, а также многие персонажи: чародей Исмен (у Хераскова Нигрин), дева-воительница Клоринда (соотв. Рамида, прозрачная анаграмма Армиды Тассо); композиционно похоже на «Иерусалим» и начало «Россиады»: явление небесного вестника, побуждающее главного героя действовать (архангел Гавриил и кн. Александр Тверской) и совет, на котором это решение подтверждается, хотя масштаб смещен: у Тассо на это отводится одна песнь из 20, у Хераскова — две из 12; упоминаются герои Ариосто (V, 251: «Алциною Астолф обманут тако был»); не исключено, что Херасков был знаком и с Данте [44]. У Вольтера, кроме вышесказанного, Херасков заимствовал образ друга царя (Морне и Потье — Адашев), описание божественного вмешательства в неблагоприятный ход событий в начале поэмы, некоторые детали в аллегорезе (хотя Херасков никогда не доходил до вольтеровской безвкусицы вроде аллегорий Политики и Фанатизма). Эпические общие места — литературная традиция; так, в изображении потустороннего мира Вергилию подражали Вольтер и Херасков, в изображении пустыни Лукану — Тассо и Херасков, и в использовании достижений предшественников российский поэт не выходил за рамки общепринятого в эпическом творчестве; вопрос в том, складывается ли картина в нечто свое и отражает ли самобытное содержание. Первое очевидно; второе мы постараемся сделать наглядным в дальнейшем изложении.

На первый взгляд композиция поэмы производит впечатление непродуманной: несмотря на классическое число в двенадцать песней, сценическая площадка двух первых — Москва, следующих трех — Казань, наконец, частые и хаотичные перемещения места действия, большее внимание к татарской столице, чем к русской — Мерзлякову все это внушило целый ряд горьких упреков. Однако подлинный композиционный замысел может быть установлен только в сравнении с главным образцом — Вергилием; кульминационным моментом «Энеиды» является нисхождение в подземный мир с пророчеством о грядущем величии Римской державы (VI песнь), являющееся композиционным стержнем эпопеи (I-VI, «Одиссея», и VII-XII, «Илиада» в рамках «Энеиды») и повторенное затем у Вольтера (VII песнь из 10; композиционная роль несущей опоры, таким образом, утрачена).

Херасков принимает смелое решение, не имеющее прецедентов в знакомом ему героическом эпосе и вполне отвечающее христианизации эпической формы: он разрывает нисхождение во ад и восхождение в рай и разделяет этими эпизодами поэму не на две части, как Вергилий, а на три, создавая столь же стройную симметричную структуру (3 группы по 4 песни): в конце IV песни уходят на вечную муку грешные казанские цари, и последний из них — Сафгирей — пророчествует о гибели своей державы; в конце VIII Иоанн видит в раю своих потомков и преемников, и пророчество о будущем успехе подготавливает заключительную часть — торжество русского оружия и начало счастливых времен процветания России. Стройная зеркально-симметричная структура многопланова: Казань противопоставлена России, прошлое — будущему, адские муки — райскому блаженству, вызванная гордыней и насилиями катастрофа — победе, в которой наиболее славная часть — победа над самим собой, над своими страстями и пороками, которая делает Иоанна достойным и земного, и небесного венца. Таким образом, хотя и с иной мотивировкой, можно согласиться с оценкой А. В. Западова: «Идейная концепция поэмы принадлежит автору и должна быть оценена по достоинству» [45].

Характеры героев в «Россиаде» (кроме Иоанна, князя Андрея Курбского, Адашева, царя Алея, а также некоторых татарских воинов) действительно бледнее и приглушеннее, чем в большинстве героических эпосов; однако это вызвано не слабостью литературной техники автора, а внутренней достоверностью его произведения: одно из отличий русского героизма — его неброский, «будничный» характер, его сосредоточенность на общем деле, а не на

собственной славе, и его Мстиславский (XI, 139 слл.) — яркий представитель этого неяркого героизма; именно здесь, в художественной ткани произведения, и содержится ответ на вышеупомянутый вопрос П. А. Вяземского:

Сей муж в сражениях ни дерзок был ни злобен,
Но твердому кремню казался он подобен,
Который искр ручьи в то время издает,
Когда железом кто его поверхность бьет.

Язык «Россиады» — одно из наивысших достижений русского поэтического языка XVIII столетия. Он в основном менее торжествен и приподнят, чем ломоносовский, отличается исключительной чистотой и плавностью (в эпопее в 9 тысяч стихов меньше неряшливых рифм, чем в иных державинских строфах), блистает своим архитектурным совершенством и гармонией; владение александрийским стихом — мастерское; неизбежные глагольные рифмы не портят впечатления, поскольку, как правило, они отличаются значительной глубиной и насыщенностью; особенно красивы многочисленные (но не доходящие до безвкусицы нагромождения) хиазмы: «России торжество, поверженну Казань», «Возненавидел труд, забавы возлюбил», «Киприда красотой, а хитростью Цирцея», где синтаксис мощно подчеркивает содержательные контрасты; Херасков по заслугам может быть признан наиболее выдающимся архитектором среди русских поэтов — как на уровне целого, так и в частностях.

Исследователи справедливо усматривали в поэме признаки новаторских, сентиментальных черт: «То, что представлялось Мерзлякову частными отступлениями от канонов классицизма, нам представляется вполне планомерным нарастанием сентиментального мировоззрения в творчестве Хераскова» [46]. Однако главная его поэтическая заслуга — не в том, что он предвосхитил, не в том, чему он научил — прежде всего в области языка и филигранной отделки — следующие поколения, а в том, что он создал героическую эпопею, которая не боится конкуренции с аналогичными произведениями западных литератур. Достойная оценка его поэтического наследия во всем его объеме — дело будущего, и, надеемся, недалекого.

[1] Вестник Европы. Ч. XLIV, № 8, 1809. С. 270.

[2] В. Сиповский. Херасков Михаил Матвеевич. РБС, с. 309-318. М. Н. Лонгинов. Михаил Матвеевич Херасков. Русский архив, 1873, № 8, стлб. 1453-1479 (библиография отдельных изданий — 1466-1477); С. П. Шевырев. История Императорского Московского университета. М., 1855. В дальнейшем ссылки на эти работы (за исключением прямого цитирования) не даются.

[3] Указ. соч. С. 125.

[4] М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 137-138.

[5] И. М. Долгорукий. Капище моего сердца. М., 1874.

[6] Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т. II. Тула, 1988. С. 76.

[7] В кн.: Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М., Л., 1954. С. 360-361.

[8] Н. И. Греч. Опыт краткой истории Руской литературы. СПб., 1822. С. 186.

[9] Интересно, что именно М. М., недовольный речью И. А. Тетьякова на тему «О происхождении и развитии университетов в Европе», потребовал введения предварительной цензуры на речи профессоров. См. А. Ю. Андреев. Профессора. В кн.: Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Отредактировано В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1998. С. 202.

[10] Директор Казанской гиназии Ю. ф. Каниц писал Г. Р. Державину 4.12.1778 г.: «Уверьте г. Хераскова, что я решился с Божию помощью начать Казанскую Историю, и кому бы мог я посвятить ее, как не ему, виновнику этого труда?» Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 5. СПб., 1876. С. 300.

[11] В некоторых работах (Э. Е. Шишкова. Московский университетский благородный пансион. 1776-1831. Вестник Московского университета, 1979. Серия 8. История. № 6. С. 70-83; Н. С. Тихонравов. Московский Университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и дружеского общества. Сочинение Н. В. Сушкова. Издание исправленное и дополненное. Сочинения, III, 2, М., 1858. С. 85 слл.) поддерживается более ранняя датировка

- основания Благородного пансиона (1776 г.), делающая инициативу Хераскова невозможной; мы придерживаемся традиционной датировки С. П. Шевырева, основанной на первых официальных объявлениях.
- [12] Подробнее см. А. Ю. Андреев. Указ. соч. С. 206-212.
- [13] М. Н. Лонгинов. Указ. соч. С. 248 слл.
- [14] Письмо от 8.12.1791 г. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 5. СПб., 1876. С. 828-829.
- [15] Московский университет и князь П. В. Лопухин. Сообщил Н. А. Мурзанов. Русская старина, 1904, т. СХVII. С. 409-412.
- [16] Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева. В кн.: П. В. Лопухин. Сочинения, т. II. М., 1982. С. 53.
- [17] М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 — начала 1780-х годов. Вст. статья, публ. и прим. И. Ю. Фоменко. В кн.: Рукописи. Редкие издания. Архивы... М., 1997. С. 120.
- [18] *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*. Par M. Le Clerc. T. I. Paris, 1783. P. 97-98.
- [19] *Histoire de Russie, tiree des Chroniques originales, de pieces authentiques, & des meilleurs Historiens de la nation*, par M. Levesque. T. V. Paris, 1782. P. 347-351.
- [20] «Московский журнал», 1791, ч. III, кн. 1, стр. 49. Ценная подборка свидетельств — в докторской диссертации А. Н. Соколова: История русской поэмы (XVIII—первая половина XIX века). М., 1948. Гл. 3. Национальное своеобразие русской классической эпопеи. Разд. III. С. 126-137.
- [21] См., напр., Речь, разговор и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Благородном Университетском пансионе. Декабря 21 дня, 1801 года. М., 1801. С. 27-28 (начало XII песни).
- [22] Н. Грамматин. Вестник Европы, 1807, ч. XXXV, № 20, с. 277-279.
- [23] Не лестно Северным Гомером / От Муз Ты Росских наречен. П. И. Голенищев-Кутузов. В память бессмертному Хераскову, скончавшемуся Сентября 27 дня 1807 года, от искреннего его почитателя.
- [24] М. П. Строев. О Россияде, поэме г. Хераскова (Письмо к девице Д.) — «Современный наблюдатель российской словесности», 1815, ч. 1, № 1, с. 17; 19; 20; 23; 31; №. 3, с. 73.
- [25] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Вег-лин, 1870. С. 328. По-видимому, здесь имеется в виду именно Строев, а не Мерзляков, которого никак нельзя было к тому времени назвать «студентом»; хотя окончательной уверенности в этом нет.
- [26] Об этом свидетельствует М. А. Дмитриев в «Мелочах из запаса моей памяти». В кн.: М. Д., Московские элегии. М., 1985. С. 163-164.
- [27] Амфион, М., 1815, 1, с. 32-98; 2, с. 36-77; 3, с. 94-123; 5, с. 81-115, 6, с. 1-41, 8, с. 86-115, 9, с. 49-128.
- [28] Указ. соч. Там же.
- [29] Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова. В кн.: П. В., Сочинения, т. II, М., 1982, с. 96.
- [30] Ю. В. Стенник (Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995) в своей обстоятельной монографии не дает ответа на этот вопрос.
- [31] В статье 1834 г. «Путешестве из Москвы в Петербург» Херасков дважды упоминается в соседстве с нелюбимым Сумароковым, а статья 1836 г. «Александр Радищев» воздает должное заслугам Хераскова в обработке поэтического языка (наряду с Ломоносовым, Державиным и Костровым).
- [32] По нумерации М. Н. Лонгинова, см. библ., стлб. 1473.
- [33] Издательство «Гиперион» (СПб.) в рамках серии «Российская драматическая библиотека» планирует издание полного собрания драматических произведений М. М. Хераскова. От души желаем успеха этому прекрасному начинанию.
- [34] О «Россиаде» в целом прежде всего см. вышеприведенную диссертацию А. Н. Соколова: Гл. 8 «Эпическая поэзия Хераскова», посвященные «Россиаде» (с. 279-340); его же: Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955. С. 153-179. Кроме того, см.: Г. А. Гуковский, «Русская литература XVIII века», М., 1939, сс. 196-199; М. Макина. Поэмы М. М. Хераскова. В сб.: Уч. зап. Новгородского пед. ин-та. 1963. Т. 9. Вып. 1. С. 121-134 (о принципиальном отличии от предшественников — проповеди в поэмах морально-этических добродетелей, а не гражданских); Г. Н. Моисеева. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980, стр. 215-226 (блестящие страницы); из сравнительно новых работ, свидетельствующих о росте интереса к Хераскову — М. Гришакова. Символическая структура поэм М. Хераскова. В кн.: В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 30-48; об исторических источниках «Россиады»: Г. З. Кунцевич. «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве». ЖМНП. 1901. № 1. Отд. II. С. 1-15; N 11. Отд. II. С. 175-178; его же. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 574-589; о влиянии латинской эпики на «Россиаду» см. нашу статью «Россиада» М. М. Хераскова и латинская эпическая поэзия. «Греко-латинский кабинет», № 3. 2000 г. С. 28-42; о каталогах — Техника эпического каталога в «Россиаде» Хераскова. В сб.: Античность в современном измерении. Казань, 14-16 ноября 2001. Казань, 2001, с. 100-102.

[35] И. Порфирьев, История русской словесности, ч. II, отд. 2, Казань, 1898, с. 188.

[36] M. von Albrecht. *Geschichte der römischen Literatur*. München, New Providence, London, Paris, 1994, Bd. I, S. 556.

[37] А. Н. Соколов в своей диссертации дает точные наблюдения об отражении новоевропейского эпоса в «Россиаде», но совершенно не упоминает античный.

[38] Г. Н. Моисеева. Указ. соч. С. 218-219. Отметим ее высокую оценку эпоса: «Стихийный и ограниченный историзм Хераскова... был заметным шагом в направлении движения русской литературы к историзму... Национальная эпопея „Россиада“ явилась одним из самых значительных произведений Хераскова, оказавших серьезное влияние на формирование русской литературы начала XIX в.» (с. 226).

[39] Там же.

[40] Мы будем опираться в дальнейшем анализе на московское издание 1807 года, отражающее последнюю авторскую редакцию. История текста, как бы она ни была интересна сама по себе, не может быть рассмотрена здесь.

[41] *Discorsi dell'arte poetica e in particolare sopra il poema eroico. Discorso primo*. В кн.: Torquato Tasso. *Prose*. A cura di Ettore Mazzali. Milano. Napoli. S. a. P. 357-358. Отражением этих воззрений может быть высказанная в предисловии мысль, что писать эпическую поэму, посвященную Петру (что пытался делать Ломоносов) пока еще не время (с. XVI).

[42] У Тассо их 20, у Вольтера — 10; эпос в 12 песнях написал и Стаций, но Херасков не называет его в перечне своих образцов.

[43] Р. М. Горохова. Торквато Тассо в России XVIII в. (Материалы к истории восприятия). В кн.: Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973, с. 148-157, особенно 153-155. В труде Ю. В. Стенника и В. П. Степанова (История русской литературы, Л., 1980, гл. «Литературно-общественное движение конца 1760-х — 1780-х годов», с. 624, роль Тассо чрезмерно преувеличена. В частности, явление архангела Гавриила объявляется прообразом для Александра Тверского. в то время как текст Вергилия гораздо ближе к Хераскову. Высказанная же ими мысль, что поэма «осталась одиноким свидетельством несоответствия между фактом возросшего... национального самосознания и устарелостью... идеологической концепции» (с. 626) не заслуживают даже опровержения.

[44] Нам удалось найти только один стих, намекающий на эту возможность: IV, 491 — «Там вечный терпит хлад угрюмая измена». Аналогичное использование мотивов Данте см. в «Анджело» Пушкина.

[45] М. М. Херасков. Избранные произведения. Л., 1961, предисловие, стр. 33. Мы не можем согласиться с выраженным там мнением о ведущей роли скрытой критики в адрес Екатерины II как мотиве подробного рассмотрения казанских дел; то место, которое им уделено, определяется общим композиционным замыслом.

[46] М. Макина. Указ. соч. С. 125-126.